

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Олег Михайлов

Жизнь Бунина

Лишь слову жизнь дана....

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84-4
М69

Михайлов, О.

М69 Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... / О. Михайлов. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. – 652 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74603-3

Книга известного литературоведа Олега Михайлова посвящена личности и судьбе классика русской литературы Ивана Алексеевича Бунина. Биографический очерк охватывает период от рождения до смерти великого писателя и содержит неизвестные широкой аудитории факты его личной жизни. Особое внимание уделено годам эмиграции - наименее исследованному периоду жизни Бунина. Автор рассказывает и о том, как были написаны произведения, признанные шедеврами мировой литературы.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74603-3

© Т8 RUGRAM, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2021
© Текст. О. Михайлов,
наследники, 2021

Посвящаю Людмиле Георгиевне Голубевой
Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

*Ив. Бунин. Слово
Париж, 1986*

Октябрь, но в Париже июльская теплынь. И толпы народа на проспектах и бульварах одеты легко и пестро, по-летнему. Проносятся автомобили с опущенными стеклами, распахнуты двери магазинов; прямо на улице на лотках — овощи, фрукты, рыба. Но все это: шум, оживленная толпа, магазины, автомобили, хоть и неподалеку, за углом, здесь не ощущается.

Я стою в начале коротенькой улочки, которую благодарные французы навали именем Жака Оффенбаха. Его оперетки веселы и легкомысленны в чисто французском стиле, хотя и в России их обожали: «Прекрасная Елена» в свое время до головокружения взволновала юного Тему — Гарина-Михайловского, а Немирович прославил ту же «Елену», поставив ее в московском музыкально-драматическом театре со «вторым планом» и «сверхзадачей». И все же оперетта — вещь развлекательная, для отдыха, даже для недуманья. Не «Илиада» ведь, не «Война и мир», не «Жизнь Арсеньева». Автор «Жизни Арсе-

ньева» и провел тут долгие годы, тут и скончался. Беспокойный скиталец, собственного угла не имевший, он и здесь жил внаем.

Дом угловой, шестиэтажный, вполне респектабельный — «буржуазный». Сейчас из-за тепла и солнца многие остекленные двери за затейливыми решетками (балконов нет) растворены, кое-где опущены жалюзи. Правая, «бунинская», половина дома, вычищенная только что пескоструйным аппаратом, приобрела нарядный вид — светло-желтые и палевые тона. Очевидно, таким он был в конце прошлого века. А вот левая, серая, мрачноватая, выглядит, видимо, именно так, как во времена Бунина, не столь уж отдаленные. И подъезд такой же, и чистенькая прихожая с окошечком консержки справа. Заменена дверца лифта — на современную, герметическую, но внутри и решетка, которую по-старомодному задерживаешь перед нажатием кнопки, и темно-вишневая деревянная обшивка кабины — те же, «бунинские».

Скорее всего, и бледно-красный коврик дорожки, бегущей по крутым ступенькам винтовой лестницы, — тоже той поры, истертый, но чистенький. Ступеньки очень высокие. Подумал о том, что старому человеку, если встанет лифт, подниматься тяжело. И еще вот о чем. Одно время напротив квартиры Буниных поселились Куприны, приглашенные Иваном Алексеевичем в Париж. И лестница эта, надо полагать, в иные времена становилась для Александра Ивановича сущим бедствием, если он бывал, что случалось нередко, во хмелю...

Из лифта дверь налево на четвертом этаже. За дверью гремит что-то джазовое.

Да в дверь и не позвонишь: хозяева, французы, вряд ли поймут, почему у иностранца, стоящего перед этой дверью, так сильно стучит сердце.

Я сажусь на ступеньку и гляжу вниз. Мой спутник, знаток русского искусства, коллекционер, славист, профессор Ренэ Герра (он и женат на русской, дочери белого полковника) следует моему примеру. Молчим.

Между тем консьержка-португалка заметила, что проникли мы в дом лишь тогда, когда подбежавший пухлый лицеист набрал неизвестный нам код. Она снизу слушает: дверь не хлопнула. Это ее пугает. Сейчас в Париже все помешаны на террористах: город патрулирует жандармерия с автоматическими винтовками, потоки машин прерываются полицейскими сиренами. Кого-то лихорадочно ищут, и вот консьержка тоже включается в общую игру.

Мы с Герра медленно спускаемся по лестнице, еще стоим в маленьком холле. Затем он принимается фотографировать дом, окна Буниных, меня перед подъездом. Это уже кажется консьержке верхом подозрительности. На плохом французском языке она начинает браниться и грозить полицией. Профессор славистики успокаивает ее — по-народному, теми крепкими словечками, какие любил и в русском, и во французском языке Бунин. Народные аргументы оказываются убедительными, и консьержка удаляется.

Я снова смотрю на дом. А где же памятная доска? Где написано, что здесь — более тридцати лет — жил, работал и скончался великий русский писатель? Только что Герра показывал мне здание, в котором жил Мережковский, — там мемориал есть. И у Николая Николаевича

Евреинова, театрального деятеля и драматурга, тоже. А вот Бунин — не сподобился.

Герра мне объясняет, что Мережковского много переводили в Европе, что у Евреинова была очень «пробивная» вдова, но недоумение остается.

Нехорошо мы чтим наших великих земляков, их память...

А на другой день (такой же яркий и солнечный) мы с Герра на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Удивительное кладбище! И не только оттого, что солнце затопляет все светом, что куски его словно шевелятся над каждой могилой, оно не навевает полагающейся грусти, мысли о тленности всего земного, о собственном неизбежном уходе *туда*. Кажется, строгий, поддерживаемый в величайшем порядке некрополь этот излучает тепло душ тех, кто лежит под надгробиями и крестами.

Сколько имен славных, знакомых!

Мережковский, Гиппиус, Тэффи, Константин Коровин, Константин Сомов, «светлейшая Княгиня Мария Феликсовна Романовская-Красинская». «Заслуженная артистка императорских театров Матильда Кшесинская, 1 сентября 1872 года — 6 декабря 1971 года». Мстислав Добужинский, Зинаида Серебрякова, Иван Мозжухин, героиня Сопротивления Виктория Оболенская, приемный сын Горького генерал Зиновий Пешков.

А вот и мои друзья по многолетней переписке — Борис Константинович Зайцев рядом со своей верной спутницей Верой Алексеевной, племянница и душеприказчица Шмелева Юлия Александровна Кутырина и ее муж, религиозный поэт Иван Иванович Новгород-Северский. Капитана Русского общевойинского союза Александра

Алексеевича Сионского, с которым мы — заочно — были особенно близки, здесь нет; его прах на одном из православных кладбищ под Парижем. В Ницце упокоился поэт и критик Георгий Викторович Адамович. И лишь за океаном еще жив, еще посылает мне весточки поэт Странник — архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Дмитрий Алексеевич Шаховской).

Сколько раз звали они меня к себе в русский Париж повидаться с ними. «Приезжайте к нам, — торопил восьмидесятипятилетний Зайцев. — Много есть, о чем говорить. Я еще пока жив, но торопитесь, помру, некому будет рассказать о доисторическом времени». Но я был «невыездной». И приехал в Париж, когда никого из них в живых уже не осталось.

Стоим у могилы Буниных. Вспоминаю Веру Николаевну и ее первое ответное письмо: «Очень хорошо вы сделали, что обратились ко мне...»

Мы тихо говорим с Герра. Целый пласт нации, смытый «рекой времен»!

А когда опустились сумерки и потух золоченый купол маленькой одноглавой Свято-Успенской церкви (построенной по планам Альберта Бенуа — из славной художественной династии русской), на могилках десятками разноцветных огоньков затеплились электрические лампы.

Я подобрал рядом с могилой Буниных и привез в Москву комочек земли — желтой, глинистой, горькой земли чужбины.

...Парижская квартира служила Бунину более тридцати лет. Но был у него во Франции и другой, тоже наемный дом...

ИВАН-ЦАРЕВИЧ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дом в два этажа, типично провансальский, медленно ветшающий, с трещинами в желтых шероховатых стенах. Внизу — столовая и рабочий кабинет, вверху — спальня, комнаты для гостей, все скромное, бедно обставленное.

За столом худой пожилой человек: остроугольная, когда-то русо-каштановая, а теперь седая голова, бритое породистое лицо, выпцветшие синие глаза. Он берет одну из ручек (на столе их много, у него страсть к ватермановским ручкам и золотым перьям), на лист ложатся горькие строки:

«И идут дни за днями, сменяется день ночью, ночь днем — и не оставляет тайная боль неуклонной потери их — неуклонной и бесплодной, ибо идут в бездействии, все только в ожидании действия и — чего-то еще... И идут дни и ночи, и эта боль, и все неопределенные чувства и мысли, и неопределенное сознание себя и всего окружающего и есть моя жизнь, не понимаемая мной».

Он встает, легкий, юношески стройный, подходит к окну. В тысячный раз глядит на черепичные крыши лежащего внизу Грасса, на зеленую одежду гор Эстереля и на голубую стену встающего на горизонте такого пре-